

Не охлѣбѣ единствѣ
Будетъ живъ
человѣкъ.

Кому Церковь не
мать тому
Богъ не отецъ.

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

изданіе

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

спаса

СВ. СВЯТЫХ
ВОЛОГОДСКАГО ЧУДОТЪ

СВ. СТЕФАНА
СПЛ. ПЕРМСКОГО

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 48
1907.

ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
з въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Богатые и бѣдные.—Святая обитель. Сила Божія и немощь че-
ловѣческая Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. *Сергѣя Нилуса.*—
Деревенская мученица Изъ дневника сельскаго священника. *Священника*
Прилея Архангельскаго.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

БОГАТЫЕ И БѢДНЫЕ.

*подобися царствіе небесное человеку царю, иже во-
схотѣ стязися о словеси съ рабы своими.* Не
пробѣгай безъ вниманія это изреченіе, но открой
мнѣ судилище то, и вошедши въ свою совѣсть, подумай
о томъ, что сдѣлано тобою во всю жизнь. И когда услы-
шишь, что царь считается съ рабами своими, представь
себѣ и царей, и военачальниковъ, и градоправителей, и
богатыхъ и бѣдныхъ, и рабовъ и свободныхъ, и всѣхъ:
*встѣмъ бо намъ явитися подобаетъ предъ судилищемъ Хри-
стовымъ* (2 Кор. V. 10). Если ты богатъ, — подумай, что
отдашь отчетъ: на блудницъ истратилъ ты деньги, или на
бѣдныхъ; на тунеядцевъ и льстецовъ, или на нуждающих-
ся; на распутство, или на челоуѣколюбіе; на удовольствіе,
лакомство и пьянство, или на вспоможеніе несчастнымъ?
И не въ одной только тратѣ потребуютъ у тебя отчета,
но и въ пріобрѣтеніи имущества; праведными ли трудами
собралъ ты его, или хищеніемъ и лихоимствомъ; получивъ
ли родительское наслѣдство, или разоривши дома сиротъ
и расхитивши имущества вдовицъ? Какъ мы у своихъ
слугъ требуемъ отчета, не только въ расходѣ денегъ. но
и въ приходѣ, допрашивая, откуда и отъ кого, и какъ, и
сколько получили они денегъ, — такъ и Богъ требуетъ отъ
насъ отчета не только въ употребленіи, но и въ пріобрѣ-
теніи. И не богачъ только, но и бѣдный даетъ отчетъ —
въ бѣдности благодушно ли и съ благодареніемъ ли пе-
ренесъ бѣдность, не впалъ ли въ уныніе, не подосадоваль
ли, не возропталъ ли на Божій Промыслъ, видя другого
въ роскоши и удовольствіяхъ, а себя въ нуждѣ? Какъ у
богача потребуютъ отчета въ милостынѣ, такъ у бѣднаго
въ терпѣніи, или — лучше не въ терпѣніи только, но и въ
самой милостынѣ, потому что бѣдность не мѣшаетъ ми-
лостынѣ: свидѣтель — вдовица, положившая двѣ лепты — и
этимъ малымъ вкладомъ превзошедшая тѣхъ, которые по-
ложили по-многу. И не богатые только да бѣдные, но и
начальники съ судьями истязуются съ великою строгостію:

не извратили ли они правду, не произнесли ли приговора надъ подсудимыми по пристрастію или по ненависти, не дали ли, уступивъ лести, неправеднаго рѣшенія, или, по злопамятству, не сдѣлали ли зла невиннымъ?

(Изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго.)

СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ.

3 Іюня каждагодно совершается крестный ходъ изъ всѣхъ церквей города Вологды въ Спасо-Прилуцкую обитель, въ 5 верстахъ отъ города.

Не безъ основанія этотъ священный обычай одинъ изъ Вологодскихъ іерарховъ называлъ „историческимъ дѣломъ“. Начало его восходитъ къ сѣдой древности, когда только еще собиралась Русская земля. Въ немъ отразился старинный русскій духъ, русскій бытъ и вѣрованія. Скажемъ больше, — въ немъ сказалась политика Русскаго народа и Русскихъ Государей.

Это было въ самомъ началѣ XVI вѣка. Собиратель Русской земли, Великій Князь Іоаннъ III, предпринялъ тогда походъ подъ Казань. Татары казанскіе часто дѣлали набѣги на русскіе города и селенія, грабили ихъ и жителей во множествѣ вводили въ плѣнъ. Ихъ дерзкая рука не щадила и нашихъ святынь: ни храмовъ Божіихъ, ни святыхъ обителей. Въ житіяхъ сѣверно-русскихъ, особенно же нашихъ Вологодскихъ, подвижниковъ есть немало сказаній, какъ эти дикіе люди грабили монастыри и церкви. Рѣдка изъ обителей уцѣлѣла отъ ихъ варварскаго нашествія. Спустя полъ-столѣтія, при взятіи Казани Грознымъ, русскіе плѣнники исчислялись въ ней цѣлыми десятками тысячъ.

Вотъ почему Іоаннъ III, этотъ первый—Русскій Самодержецъ, по выраженію нашего великаго историка и патріота Карамзина, двинулъ противъ Казани свои рати. По русскому обычаю, отправляя рати, Государь, для воодушевленія воиновъ, повелѣлъ принести въ станъ воинскій въ числѣ другихъ святынь образъ преподобнаго Димитрія Прилуцкаго. Образъ этотъ, по преданію, списанъ былъ рукою другаго великаго подвижника страны Вологодской—преподобнаго Діонисія Глушицкаго, который, по замѣчанію въ его житіи, „имѣлъ художество живописца“.

Очевидно, Іоаннъ III глубоко чтилъ Прилуцкаго угодника, какъ почитали его предки и потомки этого государя, приѣзжавшіе нерѣдко на богомолье въ Прилуцкую обитель. Благословилъ Господь оружіе бранное противъ враговъ Креста Хрїстова.

Татары были побѣждены и христолюбивое воинство русское возвратилось обратно.

Благодарный за явленную ему милость Божию, Государь, пославъ щедрую милостыню Прилуцкой обители, съ честію велѣлъ возвратити въ нее ея святыню. По его повелѣнію, честный образъ преподобнаго Димитрія торжественно встрѣченъ былъ въ Вологдѣ крестнымъ ходомъ, во главѣ съ Епископомъ Никономъ, и препровожденъ въ Прилуцкій монастырь. Это было 3 Іюня 1503 года. Въ воспоминаніе сего событія, безъ сомнѣнія, по желанію самого же Іоанна III и установленъ былъ ежегодно крестный ходъ въ Прилуцкую обитель.

Сказаніе о возвращенной послѣ похода иконы преподобнаго Димитрія въ житіи его дополняется слѣдующими подробностями.

Въ описаніи одного изъ чудесъ св. угодника рассказывается, какъ однажды нѣкій благоговѣйный инокъ Прилуцкой обители былъ боленъ и лежалъ въ сильномъ жару. Въ забытіи онъ видитъ новосозданный монастырскій храмъ. Въ немъ собралось много благообразныхъ сѣдовласыхъ иноковъ. Въ благоговѣйномъ созерцаніи этой картины, болящій начинаетъ искать глазами среди стоящихъ предъ нимъ подвижниковъ преподобнаго Димитрія, въ надеждѣ получить отъ него благодатное исцѣленіе. Въ это время онъ слышитъ голосъ, раздавшійся изъ алтаря, подобно грому: „ты ищешь Димитрія? Нынѣ онъ въ Казани“. Проснувшись, инокъ почувствовалъ себя исцѣленнымъ. Въ это самое время образъ преподобнаго Димитрія и находился съ княжескою ратью въ Казани. Описаніе этого чуда заканчивается сказаніемъ о явленіи преподобнаго самому Великому Князю Іоанну III въ моментъ битвы русскихъ съ татарами.

Вотъ начало и основаніе того священнаго обычая, который такъ свято соблюдается вологжанами, и вѣруемъ, будетъ соблюдаться въ роды родовъ.

Что-то особенно трогательное, глубоко—отрадное наполняетъ душу участниковъ этого крестнаго хода.

Съ ранняго утра звонъ городскихъ церквей, какъ въ свѣтлый день Христова праздника. Народныя массы толпами приливаютъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ загудѣлъ большой колоколъ на вологодской соборной колокольнѣ. Крестные ходы отъ церквей подходятъ къ каѳедральному собору, и соединившись въ одинъ, направляются въ путь. Заколыхались народныя массы. „Преподобне отче Димитріе, преподобне отче Сергіе, молитесь Бога о насъ“, раздаются голоса пѣвцовъ—священнослужителей. По пути слѣдованія на всѣхъ перекрестныхъ улицахъ стоятъ новыя толпы народа, чтобы присоединиться къ крестному ходу. И идутъ эти массы народныя, идутъ длинными вереницами, осѣняя себя крест-

нымъ знаменіемъ, идутъ иногда въ проливной дождь, иногда подъ палящимъ зноемъ, среди духоты и пыли, но идутъ всегда радостныя, со свѣтлымъ взоромъ, не зная утомленія и усталости. Ничто иное привлекаетъ ихъ, какъ любовь къ угоднику Божию, сердечное желаніе поклониться его мощамъ, испросить его небесной помощи и заступленія среди бурь и непогодъ жизни. Вотъ эта сила народная, эта глубокая вѣра въ Бога и прославленныхъ Имъ угодниковъ. Какъ отрадна эта картина особенно среди нынѣшняго шатанія, разлада, борьбы страстей и волненія умовъ! Какимъ миромъ, какимъ успокоеніемъ вѣетъ она на путника! Нигдѣ не найти ему той согрѣвающей душу теплоты, того утѣшенія и успокоенія, какъ именно въ глубокой вѣрѣ въ Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Это самое дорогое, самое драгоценное сокровище хрістіанина. Блюди же это свое сокровище, святая Русь! Съ нимъ тебѣ жилось легко и отрадно. Безъ него же нѣтъ для тебя счастья и ты низринешься въ бездну пропасти.

Вотъ, пройденъ городъ, и крестный ходъ приближается къ обители. Что за чудные храмы виднѣются издали! Какая крѣпость рисуется! Да, именно крѣпость. Высокія стѣны, громадныя башни. Это—крѣпость не только духовная, но и военная и политическая. Объ этомъ со всею ясностію говоритъ намъ наша родная исторія. Чѣмъ могуча и славна была Россія въ прошломъ? Вѣрою въ Бога и святыхъ угодниковъ. На что, главнымъ образомъ, нападали и нападаютъ древніе и нынѣшніе враги Россіи, въ надеждѣ ея пораженія и уничтоженія? На св. вѣру, на храмы и обители—эти несокрушимыя твердыни народнаго духа. Вспомнишь исторію Свято-Троицкой лавры въ смутное время. Что лавра для Москвы, то Прилуки для Вологды.

Крестный ходъ подходитъ къ селу „Прилуки“. Новая картина открывается во всемъ ея величіи. На встрѣчу городскому ходу идетъ другой крестный ходъ изъ самой обители. И въ центрѣ послѣдняго завѣтная святыня,—несомый на высокіхъ носилкахъ, большой образъ преподобнаго Димитрія, тотъ самый, который былъ когда-то въ станѣ русскихъ воиновъ, сражавшихся противъ враждебныхъ ратей, вышедшихъ изъ столицы татарской. Какія чудныя незабвенныя минуты! Невольно уносишься мыслию въ глубину вѣковъ и вспоминаешь событіе 1503 года. Кажется, что съ высоты монастырскихъ стѣнъ и башенъ вѣка смотрятъ на насъ.

Остановились шествующіе и срѣтающіе. Совершается обычная литія. Оба крестныхъ хода слились въ одинъ и, шествуя подъ торжественный звонъ колоколовъ, вступаютъ внутрь вѣковыхъ стѣнъ обители. Вспоминались вѣка давно минувшіе. Вспоминался Боготецъ Давидъ, шедшій „предъ сѣннымъ ковчегомъ“ и чудно

въ одномъ изъ своихъ псалмовъ изобразившій побѣдное шествіе Іеговы, Бога брани, послѣ торжественной побѣды надъ врагами.

Въ главномъ монастырскомъ соборномъ храмѣ идетъ торжественная литургія. Соборъ переполненъ молящимися. Но странника влечетъ главная святыня—раки честныхъ мощей преподобныхъ.—Здѣсь, въ нижнемъ храмѣ, тѣсно и жарко. Цѣлыя толпы смѣняются непрерывно у гробницъ св. угодниковъ. Одни несутъ свою лепту—восковую свѣчку. Другіе стремятся приложиться къ святынь. Третьи стоятъ съ поминальничками, ожидая своей очереди. Безпрерывно служатъ молебны. Общая давка и сутолока. Но какъ яркое солнце, подъ этими мрачными сводами сіяетъ вѣра народная, усердіе къ святымъ угодникамъ. Здѣсь темная мысль ищетъ свѣта и просвѣщается. Здѣсь разбитое сердце ищетъ отрады и успокоенія. Здѣсь мятущаяся, угнетенная совѣсть исповѣдуетъ свои грѣхи и молить о благодатной помощи. Словомъ, здѣсь отражается сама жизнь со всѣми ея радостями и печальми.

Кончилась литургія въ главномъ храмѣ. Изъ него выходитъ крестный ходъ, направляющійся вокругъ стѣнъ обители. Опять заколыхались хоругви, заблестѣли запрестольные кресты и иконы, отражая лучи солнечные. Опять массы народныя. Во время этого хода совершается молебное пѣніе преподобному Димитрію, съ остановками въ трехъ мѣстахъ. Кончился обходъ. Городской ходъ пошелъ обратно, а монастырскій сталъ возвращаться въ обитель.

Пойдемъ, читатель, за послѣднимъ, и взглянемъ еще разъ на историческую святыню земли Русской. Много въ ней и теперь замѣчательнаго.

Вотъ, надъ прилегающимъ къ собору монастырскимъ зданіемъ знаменательная черная доска. На ней вверху изображено недремлющее око, окруженное какъ-бы небеснымъ сіяніемъ. Подъ нимъ памятный 1812 годъ. Въ самомъ низу доски—надпись, изображенная слѣдующимъ двухстишіемъ:

„Безбѣдно Богъ меня въ сей лютый годъ хранилъ,
„Москвѣ разсѣянной прибѣжищемъ я былъ“.

Надпись эта говоритъ о существовавшей нѣкогда духовной связи обители съ Москвою и ея святынями. Она составлена Московскимъ игуменомъ Павломъ, который былъ блюстителемъ сокровищъ храмовъ и монастырей Московскихъ, свезенныхъ на храненіе въ годину Наполеонова нашествія въ Прилуцкую обитель.

Еще трогательнѣе эта связь Москвы съ Прилуцкою обителью выражена въ слѣдующемъ стихотвореніи, начертанномъ и хранимомъ, какъ дорогое сокровище, внутри того зданія, подъ кры-

шей котораго утверждена упомянутая доска съ надписью. Вотъ это стихотвореніе:

„Въ то время, въ грозную для Церкви ту годину,
 Какъ новый Юліанъ, въ надменности своей,
 Безбожною рукой коснулся алтарей,
 (Разбойникъ, взявъ царя подложную личину),
 Въ то время, въ лютой часъ пылающей Москвы,
 Какъ сорванъ Крестъ Христовъ съ Ивановской главы,
 Какъ града жители отъ буйствъ врага страдали,
 (Ихъ крыло рублище—тирана вѣчный стыдъ),
 Въ то время въ сихъ стѣнахъ спокойно пребывали
 Пгумень и архимандритъ:
 Одинъ—монастыря Угрѣшскаго Николы,
 Другой—святителя, что въ Греціи глаголы
 Въ желѣзныя сердца златыя изливаль
 И Златоустомъ свѣтъ котораго назваль.
 О, адскихъ замысловъ коварный исполнитель!
 Прерви змѣнный тонъ, парижанинъ Лессетъ!
 Насъ гласомъ матернимъ Москва къ себѣ зоветь.
 Прости, священная обитель!
 Какъ ты покоила, какъ ты хранила насъ,
 Такъ да поконтъ Богъ тебя на всякій часъ“.

Сергіева Лавра выдержала нѣкогда нашествіе непріятельскихъ польскихъ и литовскихъ полчищъ. Но вотъ настали грозныя времена Наполеонова нашествія. Тогда на помощь Москвѣ пошла отдаленная Прилуцкая обитель. Она хранила ея сокровища и покоила ея разсѣянныхъ сыновъ. Вотъ памятники этой связи Москвы съ Прилуцкою обителью.

Пройдя чрезъ пролегающую къ собору арку, путникъ за алтаремъ соборнымъ увидить часовню. Это—также дорогая святыня обители. Часовня эта сооружена надъ колодеземъ, ископаннымъ трудолюбивыми руками основателя обители. Вотъ за колодеземъ и большой деревянный крестъ, который соорудилъ онъ въ излюбленномъ имъ мѣстѣ на *Прилуцъ*, обозначая, по подвижническому обычаю, мѣсто созданія новой обители. Часовня обветшала уже отъ времени, но по стѣнамъ ея и теперь еще виднѣются живописныя изображенія замѣчательныхъ моментовъ житія преподобнаго. Какъ пришелъ онъ въ дебри Вологодскія. Какъ изгнанъ былъ „неблагодарными“ жителями Авнеги изъ ея предѣловъ. Какъ радостно встрѣченъ онъ былъ жителями Вологды. Какъ созидаль обитель на *Прилуцъ*. Здѣсь всюду вѣетъ духомъ святой старины, какъ и въ самомъ храмѣ у гробницы преподобнаго, духомъ мира и покоя. Какъ будто заходишь въ совершенно иной невѣдомый міръ, оставляя за собой все, до сихъ поръ тебя окружавшее, и уносишься мыслію

далеко, далеко... То витаешь въ глубинѣ вѣковъ и стараешься въ своемъ воображеніи воскресить по этимъ священнымъ реликвіямъ дни давно, минувшіе. То стремишься вознестись горѣ, въ пренебесный міръ и духовными очами созерцать того, кто, „нынѣ со ангелы ликовствуя“, молить за насъ Спаса Всевышняго.

Направо отъ часовни стоитъ малая церковь—усыпальница. Рядомъ съ ней надгробный памятникъ, увѣнчанный лаврами. Тутъ могила нашего извѣстнаго Вологодскаго поэта Батюшкова, предшественника въ области литературныхъ твореній великаго Пушкина.

Остановившись у этой могилы, невольно вспомнилъ я свои юношескіе годы, когда еще на школьной скамьѣ изучалъ поэзію этихъ двухъ свѣточей и писалъ сочиненіе о родномъ поэтѣ. „При блескѣ солнца меркнетъ блѣдная луна, но въ Божьемъ мірѣ всему свое время и свое мѣсто“. Вотъ какія слова изъ труда моего воспоминались мнѣ. Но кому какое дѣло до моихъ воспоминаній?..

Не хотѣлось разставаться съ родной святыней. Вотъ, подошелъ я къ монастырской стѣнѣ и поднялся на террасу, чтобы еще побыть здѣсь, гдѣ всюду такъ дышется легко и отрадно. Но потомъ глубоко раскаялся въ послѣднемъ своемъ предпріятіи. Вся стѣна исписана. Разбираю. Тутъ „заборная литература“. Тамъ—опошлившіяся надписи на современные темы. Письмена эти произведены руками людей, не для молитвы приходившихъ въ святую обитель, какъ откровенно заявлено ихъ составителями. Они лишили меня того добраго настроенія, съ которымъ я до сихъ поръ путешествовалъ по обители. Мрачная дѣйствительность встала предо мной во всемъ ея отвратительномъ видѣ. Глубоко возмущенный святотатственной рукой, я хотѣлъ-было предать гласности нѣкоторыя изъ нихъ. Но почувствовалъ, что эта литература не гармонируетъ съ моимъ мирнымъ трудомъ, вносить разладъ въ душу и потому оставилъ свое намѣреніе. „Да не возглаголють уста моя дѣлъ человѣческихъ“...

Люблю я тебя, родная обитель! Ты мнѣ вдвойнѣ дорога. Ты моя вторая родина. Ты моя первая просвѣтительница. Начальная школа народная въ твоихъ стѣнахъ нѣкогда приютила и меня, дала мнѣ первые начатки „разумнія писанія“, а среди тебя впервые сталъ я познавать премудрость Божию. Спасибо тебѣ, русское спасибо за твое добро, за твои благодѣянія! Свѣти-же христіанскому міру, свѣти вѣкамъ грядущимъ, какъ свѣтила ты доселѣ вѣкамъ минувшимъ!

А ты, родная школа, не забывай своего монастырскаго мѣсто-пробыванія. Помни, что монастыри искони были разсадниками *духовнаго просвѣщенія* на святой Руси. Пусть къ храму Божию не заростетъ твоя тропя. Просвѣщай твоихъ питомцевъ позна-

ніемъ премудрости Божіей. Помни, что эти завѣты оставилъ тебѣ твой незабвенный законоучитель о. К-нъ, память о которомъ еще жива среди окружающихъ. Вотъ тебѣ сердечныя пожеланія одного изъ сыновъ твоихъ!

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

LXX.

Какая же была причина тому, что такъ низко падала древняя обитель? Почему такъ было слабо игуменское управленіе? Въ отвѣтъ на второй вопросъ заключенъ и отвѣтъ на первый.

Игуменъ нашъ всѣхъ боялся и старался не о порядкѣ въ обители, а только о томъ, чтобы кто-нибудь не составилъ на него прошенія владыкѣ, и не завелось бы дѣло.

Можно, поэтому, себѣ представить, какъ я былъ ему милъ, когда приходилъ къ нему въ келью умолять со слезами прекратить монастырское безчинство!

Кто могъ бы подумать, глядя на такое паденіе истиннаго монашескаго духа, что въ то время, какъ мы стремглавъ, внизъ головою, летѣли въ пропасть, рядомъ съ нами, въ 7 верстахъ, росла и цвѣла Троекуровская Илларионовская женская обитель, а въ 12 верстахъ тѣ же женщины, истинныя рабы Божіи, за молитвами Сезеневскаго затворника Іоанна, воздвигали не обитель, а лавру?!..

А нашъ игуменъ не унывалъ и все ждалъ себѣ наперснаго креста, хотя въ обители его уже начинали разваливаться стѣны. Мечты эти въ немъ росли и поддерживали члены консисторіи, заставлявшіе его на такъ называемое просвѣщеніе юношества вносить ежегодно 400 рублей, а то и болѣе. Но владыка почему-то все откладывалъ награжденіе, и тогда игуменъ впадалъ въ уныніе и сожалѣлъ о своей ошибкѣ. Какъ-то разъ въ горести своей онъ и мнѣ это высказывалъ.

— „И что-жъ, батюшка, вы не постыдитесь его надѣть?“ спросилъ я.

— А что мнѣ стыдиться? вѣдь, я числюсь попечителемъ богоугодныхъ заведеній.

— „А я думалъ, что вы наперснаго креста ждете себѣ за

уничтоженіе благочинія въ обители“.—Сказаль я и привелъ въ капризь игумена.

Я знаю, что меня многіе не похвалятъ за мою дерзость, но надо было быть на моемъ мѣстѣ—жить, видѣть и претерпѣть всю горечь ненависти и безчинія управленія нашимъ монастыремъ, чтобы понять, каково было моему сердцу дожить до награжденія нашего настоятеля давно имъ жданнымъ наперснымъ крестомъ и еще за что? За „примѣрное управление“!

Кому вѣдома ревность о Домѣ Господнемъ, тотъ пойметъ и не осудитъ меня.

Отче милостивый! отпусти намъ и буди милостивъ ко всѣмъ намъ, грѣшнымъ!

LXXI.

Однажды, въ праздникъ Богоявленія, послѣ поздней литургии, вся братія, по заведенному порядку, собралась въ келью отца игумена „для утѣшенія“. Въ обителяхъ древнихъ по уставу во дни поста, „прилучившуся празднику“, на примѣръ, въ Николинъ день 6-го Декабря, стало быть, Рождественскимъ постомъ, давалось разрѣшеніе на „елей изъ освященнаго кандила“ для „утѣшенія“ братіи, т. е. позволялось постную безъ масла пищу готовить на лампадномъ маслѣ. Конечно, тогда и лампадное масло было не нынѣшнее, а безпримѣсное—оливковое, да и братія-то была тогда не наша, Лебедянская.

У нашего отца игумена „утѣшеніе“ было иное: сперва подавали чай, а потомъ приступали прямо къ водкѣ, которую казначей подносили прямо квасными стаканами, не исключая изъ числа пьющихъ и малолѣтнихъ.

Когда начали пить чай, въ другой комнатѣ, гдѣ была младшая братія, ставили закуску на разныхъ тарелкахъ: икру, рыбу, селедку и проч. Не успѣлъ келейникъ разставить все это и отойти, какъ послушники и монахи бросились мгновенно къ закускамъ, давя другъ друга, хватая ихъ въ ротъ и засовывая въ карманы. Поднялся крикъ, шумъ, ругательства; закуску стали вырывать изъ рукъ другъ у друга...

Не вытерпѣлъ я и шепотомъ сказаль казначею:

— „Удивляюсь, батюшка, вашему молчанію: почему бы вамъ не сказать двухъ, трехъ словъ и прекратить подобное безчинство? Вѣдь, и у свиней, какъ пишетъ одинъ святой отецъ, есть свой порядокъ, а тутъ—взгляните, что дѣлается: вѣдь, это—кабакъ!“

Боже мой, что тутъ сдѣлалось съ казначеемъ! Онъ такъ толкнулъ отъ себя свою чашку съ чаемъ, что весь чай разлился по столу и потекъ на полъ. Какъ сумасшедшій вскочилъ онъ

изъ-за стола, подскочилъ ко мнѣ и закричалъ не своимъ голо-сомъ:

— „Какъ ты смѣлъ мнѣ это сказать? Кто ты? Что ты меня учишь? А! Что же это за дьяволъ навязался на нашу шею!“

Съ этими словами онъ выскочилъ въ залу, гдѣ сидѣлъ отецъ игуменъ и началъ ему и всей старшей братіи кричать, что я его и ихъ ругаю безчинниками, нарушителями отеческаго благочестія...

— „Вотъ онъ какой мошенникъ!“—кричалъ онъ: „вотъ онъ какъ относится о насъ каждому встрѣчному и поперечному! Что вы на него смотрите? А вы, отецъ игуменъ, позволяете всякому мальчишкѣ, щенку, у котораго материнское молоко на губахъ не обсохло, говорить такія дерзости въ глаза! И мало того, дозволили ему поселиться въ саду; а ему не только въ саду, а и въ обители не должно быть мѣста. Напишите на него рапортъ да и выпроводите его вонъ изъ монастыря: пусть поживетъ въ Саровѣ, или въ Оптиной—тамъ соблюдается для подобныхъ благочиніе на дровяномъ дворѣ!“

Я далъ ему излить всю накопившую у него противъ меня злобу, вышелъ на середину залы и сталъ объяснять, что въ дѣйствительности было, но казначей не давалъ мнѣ говорить и все кричалъ:

— „Каніе мы безчинники, мошенникъ ты этакій? У насъ древнее благочестіе. Погоди, братъ, мы тебѣ хвостъ выщепимъ!“

Насилу игуменъ уговорилъ его замолчать на время и дать мнѣ высказаться. Я сталъ на колѣни среди залы и ко всѣмъ присутствующимъ обратился со слезной мольбой ради Христа, ради Богоматери, ради всѣхъ Святыхъ пресѣчь, наконецъ, силою предоставленной игумену власти, безчинство если не во всемъ монастырскомъ обиходѣ, то хотя бы въ храмѣ, въ трапезѣ и въ игуменскихъ покояхъ. Я не плакалъ только, я рыдалъ, валяясь у нихъ въ ногахъ, но они всѣ... безмолвствовали. Казначей бросался, было, меня ругать, но ему отецъ игуменъ приказалъ замолчать, и онъ ушелъ въ другую комнату, озираясь на меня, какъ звѣрь, грозя пальцемъ и приговаривая:

— „Погоди, братъ—мы у тебя хвостъ-то повыщипимъ: будешь знать, какъ учить старшихъ!“

На этомъ дѣло и кончилось. Только, когда я шелъ, уже спустя нѣкоторое время, съ игуменскаго „утѣшенія“ къ себѣ въ садъ, казначей кликнулъ меня къ себѣ въ келью и, къ удивленію моему, сталъ у меня просить прошенія, говоря:

— „Прости, пожалуйста, и не сердчай, что я тебя оскорбилъ. Это я, вѣдь, нарочно сдѣлалъ, чтобы возвысить въ другихъ мнѣніе о управленіи нашемъ: надо же было услужить игу-

мену. Что, братъ, дѣлать—человѣки! Я и самъ вижу, что хуже надо, да некуда; но, вѣдь, это не отъ меня. А ему хоть не говори, онъ-то и виной всему своевольству. Ты правду говорилъ и правильно все замѣтилъ, но что же я то буду дѣлать, о, Господи!.. Если бы ты, братъ, зналъ, какъ я самъ объ этомъ въ душѣ скорблю! но что подѣлаешь, когда у насъ игуменъ—колпакъ... Прости жъ и не серчай!“

— „Богъ васъ проститъ“, отвѣтилъ я ему въ полномъ недоумѣннн отъ его рѣчей, а казначей все свое:

— „Глаза бы мои на все это не глядѣли, а ничего не подѣлаешь!“

Слава Богу, что мы хоть мирно разстались и миромъ закончили печальное столкновение.

Но мира истиннаго съ окружающей меня обстановкой и людьми въ Лебедянскомъ монастырѣ у меня такъ и не было до конца совмѣстнаго житія моего съ Лебедянской братіей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДЕРЕВЕНСКАЯ МУЧЕНИЦА.

(Изъ дневника сельскаго священника).

Пріѣхали за мной изъ дальней деревеньки моего прихода съ требой—исповѣдать и причастить больную. Отправились въ путь. Нужно замѣтить, что больная—жена крестьянина, въ домѣ коего я, въ теченіе восьми лѣтъ служенія своего въ этомъ приходѣ, ни разу не бывалъ ни съ какой требой, ни со славой, хотя и мужъ и жена были православные. Поэтому ѣхалъ я не безъ нѣкоторой душевной тревоги: что это за люди и что встрѣчу я тамъ? Изъ разспросовъ ящика—мальчика узналъ только, что мужъ больной „пьянствуетъ“.

Пріѣзжаемъ въ деревню. Вхожу въ домъ больной и моимъ глазамъ представилась такая картина: на столѣ, въ переднемъ углу, стоитъ только что початая бутылка водки и рядомъ съ ней — горшокъ съ молокомъ. Въ другомъ углу, подъ палатами, на разостланной по полу соломѣ, лежитъ мужикъ въ изодранномъ пиджаченкѣ и такихъ же рваныхъ штанахъ. „Хозяинъ!“—подумалъ я—и не ошибся. Въ избѣ былъ полный беспорядокъ.

— „Здравствуй, батюшка!“ — услышалъ я съ печи хриплый голосъ хозяйки, въ отвѣтъ на мое привѣтствіе. „Слава Тебѣ, Господи,—дождалась таки тебя, а думала ужъ и не дожждаться“.

Съ большимъ трудомъ сойдя съ печи, больная обратилась къ мужу съ просьбой, чтобы онъ на время исповѣди вышелъ

изъ избы, на что мужъ отвѣчалъ лишь какимъ-то мычаніемъ. Къ просьбамъ больной присоединился и я, говоря, что неудобно же ей каяться при мужѣ, на что онъ уже довольно ясно отвѣтилъ, что онъ—хозяинъ дома и не уйдетъ изъ него. Послѣ такого заявленія намъ оставалось одно: перейти самимъ въ горницу. Началась исповѣдь. Послѣ первыхъ же моихъ вопросовъ, больная, обливаясь слезами, повѣдала мнѣ горькую исторію своей многострадальной жизни.

— „Охъ, батюшка, тяжело житье мое, такъ тяжело, что не однажды собиралась я руки на себя наложить, да, видно Мать—Пресвятая Богородица еще не совсѣмъ отступилась отъ меня! Двадцать девятый годъ я за мужемъ, и только первые полтора годика поцарствовала—чередомъ пожила. А тутъ и началось... и двадцать семь годовъ живу все такъ, какъ и теперь. Правда, и въ тѣ полтора года мужъ пилъ, но все же было далеко не то. Въ то время живъ былъ еще отецъ его и не давалъ меня въ обиду. Дай ему, Господи, царство небесное! Ну, а какъ померъ онъ, такъ и пошло... Пьянство, беспросыпное пьянство, изо дня въ день! По три мѣсяца, не просыпаясь, пилъ. По 70—90 рубликовъ въ одинъ запой уходило! Кабы не наше прежнее богатство, да не мои труды, давнымъ-давно по міру ходили бы. А то, вѣдь, не покладая рукъ, не разгибая спины, работала я. Съ раняго утрышка до поздней ноченьки, съ краюшкой хлѣба да рученкой воды уйдешь въ поле. Косишь за мужика, а въ головѣ-то все неотвязная думушка вертится: гдѣ-то муженекъ, да какъ домой вернуться, чтобы на глаза ему не попасть? Зайдетъ солнышко, всѣ уйдутъ съ поля, а я послѣ всѣхъ, крадучись за кустиками да за черемушкой, домой пробираюсь, а у самой сердечко такъ и трепещетъ: какъ бы не увидалъ? Пробререшься вотъ эдакъ тайкомъ-то, да на дворъ. Коровушку какъ нибудь, во что попало, подоишь, да опять скорѣе вонъ со двора! Заберешься въ сарай, думаешь поспать,—не тутъ то было! Не равно найдеть здѣсь, думаешь. Перейдешь въ другой — и тамъ тоже. Къ каждому шороху прислушиваешься; чуть—что,—вздогнешь,—и пропалъ сонъ!.. Такъ, промаявшись всю ночь, не сомкнувши почти глазъ, еще до зари уходишь опять въ поле. Диво, какъ еще силъ-то хватало!“

— „А зачѣмъ же ты все скрывалась-то отъ него?—перебилъ я больную.—Развѣ онъ билъ тебя?“

— „Ой, кормилецъ—батюшка, билъ, да какъ еще и билъ-то!—съ глухими рыданіями почти простонала больная.—И кулаками-то (а они, вѣдь, вонъ какіе у него здоровенные!) билъ по чему попало: по головѣ, такъ по головѣ, по животу, такъ по животу,—много не разбиралъ. Да это-то что еще! Видитъ Богъ, не совру:

не однажды, бывало, съ ножемъ на меня кидался, не разъ и подъ топоромъ бывала. Сколько разъ ужъ не думала я и живой остаться, да, видно, Мать—Пресвятая Богородица заступилась еще за меня, окаянную. „Не я буду, кричить, коли не зарѣжу либо не заколю тебя!“ Разъ—это прижалъ меня въ уголь, одной рукой за шиворотъ меня держитъ, а другой—ножь къ горлу при- ставилъ. Ну, думаю, не видать мнѣ свѣта бѣлаго! Да, видно, и тутъ Царица Небесная—Матушка заступилась за меня. Собра- лась со всей силой, рванулась отъ него, да прямо—въ яму под- полную, что тутъ же у печи была. Будь, что будетъ, думаю, и помру, да не отъ него. Бухнулась... и что же? Жива и цѣла еще осталась. Да и сколько такихъ разовъ бывало — не сочтешь за всю-то жизнь! Какъ же, родимый, отъ него не бѣгать? Его же жалѣючи, бѣгаешь. Храни Богъ, что случится, — уголовщикъ, вѣдь, онъ будетъ. Слава Богу, ребятъ еще нѣтъ, а то что бы я съ ними стала дѣлать при такомъ мужѣ?

— „Но неужели же правда, что онъ по три мѣсяца подъ-рядъ пьетъ? — спросилъ я. — Вѣдь при такихъ запояхъ немислимо столько лѣтъ прожить. Никакое здоровье тутъ не устоитъ.

— „Богъ его знаетъ, а только правда, батюшка, — отвѣчала больная.—Напьется и спитъ, проснется,—опять вина да ѣсть да- вай. И что за голодь у него такой: ѣсть не наѣстся, прямо за четверыхъ съѣстъ. Оттого-то, можетъ, и живетъ. И въ людяхъ напьется, а домой придетъ—первымъ дѣломъ—ѣсть давай. Вотъ и сейчасъ, только что до тебя откуда-то пьянешенекъ пришелъ съ бутылкой вина и кричитъ: „хлѣба давай.“ А откуда возьму я хлѣба, коли сама лежу, печка не топлена, квашенка вчера еще растворена, да такъ и осталась. „Убью!“—закричалъ. Стащилъ съ печи и давай меня, больную-то, почему понало хлестать. Всю-то головушку разбилъ, едва-едва опять на печь залѣзла. И какъ запьетъ, такъ ни до какого дѣла ужъ и не дотронется,—все ле- житъ. Вотъ и сейчасъ люди-то пашутъ яровое, а онъ еще со Страстной запилъ. Ушелъ въ другую деревню наряженъ добрымъ норядкомъ: пальтецо я ему, жалѣючи его, изъ своего еще придан- наго одѣяла на ватѣ спшила, штаны и сапоги были какъ слѣ- дуетъ, а домой пришелъ босой,—видѣлъ ты, въ какомъ рублищѣ. Продавъ все тамъ и пропилъ“.

— „Но, вѣдь, бываетъ же время, когда и не пьетъ?“ — спро- силъ я.

— „Бываетъ, батюшка, какъ не бывать, только не подолгу. Покрѣпится мѣсяца два—три, а то и меньше, да опять за то же“.

— „И тяжело же, я думаю, протрезвляться ему послѣ такихъ запоевъ?“

— „Ой, кормилецъ, не говори лучше! Какъ начнетъ это

протрезвляться-то, такъ какихъ страстей съ нимъ не натерпишься! Лежитъ, лежитъ, да какъ вскочитъ да задуритъ что есть мочи! Приходилось иногда людей созывать да связывать. Или лежитъ да бормочетъ про себя и не разберешь, что такое. Должно быть, видится ему что, а только ничего не говоритъ. Съ недѣлю его эдакъ и муторить. А какъ совѣмъ-то въ разумъ войдетъ, такъ вотъ до чего золь бываетъ, что и приступу къ нему не найдешь. И всего-то жаль ему тогда: съѣшь кусокъ хлѣба, — и того ему жалко, — „вишь, говоритъ, голодь-то какъ тебя пронялъ“. Видно, навести старается, что пропишь. Да гдѣ ужъ наведешь! Вѣдь, что у насъ по началу-то было! И я-то не изъ бѣдныхъ дѣвка была, да и онъ, почитай, первымъ былъ въ деревнѣ. А теперь что?.. Видѣлъ самъ: крышу на дворѣ раскрыло, — такъ она и есть. Въ прошломъ году по веснѣ тоже запьянствовалъ, а передъ этимъ только что лошадку купилъ. Какъ была я тогда здорова, такъ взяла да и наняла мужичка — и запахались. А нынче вотъ лошадку-то пока еще и не пропишь, такъ распорядку-то некому дать: онъ пьетъ, я лежу. Да и земельку-то, слышно, ужъ отдалъ да пропишь. Либо вонъ и лошадка-то такая бы шустрая, а какой кормъ-то у нея? Колосынка. Сѣно-то, вишь, продалъ да пропишь, ну, теперь и корми, чѣмъ хочешь. Ужъ и дворъ, и амбаръ заложены да пропины. Теперь осталось только избу пропишь, а тамъ — и съ Богомъ, на всѣ четыре стороны. Да это и будетъ!.. Только не дай Богъ дожить мнѣ до этого. Ну, да авось, скоро умру. И какъ бы рада я умереть сейчасъ! Только все же жалко его: какъ онъ одинъ-то останется? Погибнетъ, вѣдь, совѣмъ скоро сохнетъ. И прежде, бывало, не однажды я хотѣла махнуть на все рукой да уйти отъ него, куда глаза глядятъ. Хуже-то житья все равно не было бы. Иной разъ совѣмъ ужъ соберусь, да какъ пораздумаешься, такъ и жалко его на вѣрную-то гибель оставлять. Вотъ и терпѣла все; думаю, пошлетъ же Господь когда нибудь конецъ и мнѣ. Теперь вотъ чувствую, что не встать ужъ мнѣ въ правду-то. Простудилась, грудь болитъ; сердцу тошно, дышать не даетъ“...

Ободривъ больную и указавъ ей на необходимость до конца нести свой жизненный крестъ, я обратился къ ней съ вопросомъ, который давно уже напрашивался у меня на языкъ: почему они такъ упорно избѣгали всякой встрѣчи со мной — и въ церковь не ходили, и со славой не пускали?

— „Батюшка, родной ты мой! — вновь заливаясь слезами, воскликнула больная. — Видитъ Богъ, вся душенька изныла по храмъ-то Божіемъ! Да никакъ уйти-то нельзя. Пьетъ когда, — не уйдешь, — какъ оставишь его одного? Не пьетъ, — тоже нельзя уйти: за эдакое счастье дрожишь, — неравно безъ тебя да и запеть.“

Такъ ужъ и сидишь дома. А душа-то ой, какъ ноетъ! Не старовѣрка, вѣдь, я и роду искони православнаго: еще дѣдушка мой церковнымъ старостой былъ и отецъ больше двадцати годовъ тоже въ этой должности сидѣлъ. Такъ не повѣришь, батюшка: какъ услышишь это звонъ церковный, такъ и схватить за сердце. Обернулась, бы, кажется, птицей вольною, да и полетѣла бы въ церковь Божию, хотъ бы однимъ глазкомъ посмотрѣла бы да послушала службу Божию!.. Или вотъ когда вы славите по деревнѣ, такъ бы и посмотрѣла на васъ, хотъ бы словомъ какимъ перемолвилась. Не разъ просила его: пустимъ священника со славой. Такъ куда тебѣ тутъ! Заругается, задурить! „Лучше, говоритъ, пропью, а поповъ не пущу“. Вотъ и нынче о Пасхѣ, какъ услыхала, что славите по деревнѣ, такъ и залилась слезами. Христомъ Богомъ просила пустить васъ. А онъ съ кулаками на меня... И за тобой-то вотъ сколько разъ просила съѣздить. И ухомъ не ведетъ! Помирай хотъ безъ покаянiя! Вѣдь, вотъ и сейчасъ не вышелъ изъ избы. Или ты думаешь, не можетъ онъ съ мѣста двинуться? А не бойсь, какъ захочетъ вина, такъ живо подыметъ. Не любо, видишь, ему, что ты прѣхалъ, вотъ и на тебѣ вздумалъ поломаться. Прости, ужъ ты его Бога ради... Да кабы не Петрушка (племянникъ онъ мнѣ), такъ бы и пришлось, какъ собакѣ, помирать. Спасибо ему, съѣздилъ за тобой. Да и тебѣ, батюшка, большое спасибо,—не погнушался, прѣхалъ ко мнѣ. Дай тебѣ, Господи, здоровья и душевнаго спасенiя!“

Такъ закончила больная свою исповѣдь. Причастивъ больную, я зашелъ опять въ избу. Хозяинъ по прежнему лежалъ на томъ же мѣстѣ, по видимому, въ безсознательномъ состоянiи. Бутылка уже наполовину была опорожнена... Простившись съ больной, отправились въ обратный путь. Тяжелыя, грустныя думы овладѣли мною...

Священникъ Ириней Архангельскiй.

Изъ Редакцiи „Троицкихъ Листковъ“

(Сергiевъ Посадъ, Моск. губ.)

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ НОВЫЯ КНИЖКИ:

„ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛЕОНИДА Архiепископа Ярославскаго“,
Дневники его съ 1845—по 1864 г. часть I-я 61 стр. ц. 50 к. съ перес. 70 к.
часть II-я 416 стр. ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к.

вышло небольшое количество экземпляровъ.

Преосвященный Леонидъ имѣлъ обычай каждый день записывать въ своихъ дневникахъ все заслуживающее вниманiя. Будучи викарiемъ Московскаго великаго святителя Филарета онъ не опускалъ случая записывать всѣ сужденiя этого iерарха, всѣ его личныя распоряженiя, и потому записки А. Леонида представляютъ неоцѣненный материалъ для биографiи митрополита Филарета—двѣ вышедшихъ части обнимаютъ периодъ съ 1845 по 1864 г.

Ценаоръ Протоiерей *Н. Якубовъ.*

Редакторъ Свящ. *Н. Коноплевъ.*

Типографiя Свято-Троицкой Сергiевой Лавры.